

Казачьи сказки
для
дошкольников

Виноградная лоза Казачья сказка

В одной станице жила-была девица по имени Полина. До чего ж красовитая! И гордейка такая, что свет не видывал. А во всякой гордости черту много радости. Сколько она молодых парней сгубила, трудно и сосчитать. Казачины в летах, особенно вдовье, и те пытались счастья у нее искать. Да где там! Как только казак начинает около ее окон ходить, глаза мозолить, она ему сразу задачку неисполнимую задает. Разводит руками казак: мыслимо ли дело такой каприз сполнить. А она смеется: любишь-де – сполнишь. Посмотрим, какая твоя любовь на проверку выйдет. Взыграет в казаке ретивое. Кровь в лицо кинется. Казак – он и есть казак. Он не мужик: для него девица – крепость, ее надо завоевать или голову сложить.

И все: пропал казак.

А Полина новые каверзы придумывает. Одна хлеще другой. Откель они ей в голову приходили. Вот такая была девица: черта слопает да лешаком закусит и не поперхнется.

Приехал тут в станицу один пронзительный офицер. Встал на постой. Видать, ему паек хороший шел, вот и баловался с девками. Словесами их улещивал да охаживал. А девки, известное дело, глупы, как перепелки, на разговор идут. Повстречал он случаем Полину, и язык у него к небу прилип. Хочет чтой-то сказать. Запинается. Слова свои ситцевые подрастерял. Стоит перед Полиной дурак дураком. С таким-то и разговаривать зазорно.

Засмеялась Полина.

– Эк вас проняло.

И пошла дальше.

А офицер к себе побег. Надел для пущей помпы новый мундир. И к Полине направился. Руку с сердцем предлагать. Перед ней любезностями рассыпается. Ножкой шаркает.

Полина ему и говорит:

– Что бестолочь сыпать. Мужество свое изошприть не хотите ли?

– С первым удовольствием.

– Ну, слушайте тогда задачку...

В тот же день уехал офицер. Только его и видели. Как в воду канул.

Раз встречает Полину подружка. Вместе когда-то хороводили да венками менялись. Та уж замужем давно. Сын ее, Афоня, у подола вертится. Подружка говорит:

– И старость тебя не берет. Смотри, как я усохла.

Засмеялась Полина, собой довольна.

– Шелк не рвется, булат не сечется, красно золото не ржавеет.

– Все до поры, – говорит подруга, – вянет и красный цвет. Нечего капризы выставлять.

Наше дело – детей рожать. Пора тебе и преклониться к кому-нибудь.

– А я, – говорит Полина, – твое Афоню обожду. Покеда подрастет. К нему и преклонюся.

Глянула мать на своего сынка. И сердце обмерло. Таращится он на Полину во все глаза. Схватила она его на руки и в бега вдарилась. От Полины подальше.

А та руки в боки и в хохот.

С тех самых пор Афоня все норовил около Полининого дома играть. Смеялась Полина, вона мой жених хвостину оседлал, на мои окошки поглядывает.

Смех смехом. А время шло. Не шло – летело. Вошел Афоня в возраст. Пришла и его пора у Полины счастья спытать. Надел он чистую рубаху. Голову маслом помазал.

Волосы расчесал гребешком. И к Полине объявился.

Смотрит она на Афоню. Экий казачина вымахал. Казистый да осанистый. Пригож, чего тут говорить. Пробежала у Полины по сердцу дрожь. А с чего бы вдруг?

– Свататься, знать, пришел?

– Ага, свататься, – отвечает Афоня. – Давай свою задачу.

– А сполнишь?

– Сполню. Нет мне отступу.

– Тогда слушай, – говорит Полина. – Слыхала я от знающих людей, что произрастают на Капказе ягоды чудные, виноградарьем зовутся. Добудешь – мы с тобой тотчас оженимся.

Ушел Афоня.

И сгинул. Ни слуху о нем, ни духу.

Затомилась Полина. Первый раз в жизни такое. По ночам не спит, в постели мечется. Думает: «Рок мне такой выпал, иль я его сама себе придумала».

А тут один за другим Афонины родители сошли в могилу.

Собрались казачки в круг. Лопнуло их терпение. Стали совет держать. Кричат: «Ей-то полгоря, а нам какво? Была бы война, а то так, не за ломаный грош извела казаков. Обуздать ее так, чтоб лихоматом ревела».

Порешили бабы согнать Полину со станицы. И камнями побить.

Решили – так и сделали.

Идет Полина по дороге побитая, живого места на ней нету. Видит, под курганом человек лежит. И ворон над ним вьется. Подошла поближе, а это Афоня, друг ее сердечный, весь изранетый. Жизнь его, похоже, к концу подходит.

Заплакала Полина. Голосом завывала. Припала к Афоне. Впервые за многие годы жаль ее так разобрала.

Он ей и говорит:

– Сполнил я-таки твою задачку. Вытащил из-за пазухи веточку сухую.

– Если, – говорит, – эту веточку посадить, на ней ягодка сладкая вырастет.

И в беспмятство впал.

Огляделась Полина, сушь окрест стоит несусветная. В груди тоска неразмытая. Жар на нее навалился. Голова закружилась. Прилегла она рядом с Афоней, словно в бреду.

Долго ли, коротко ли времени прошло, очнулся Афоня. Над ним виноград гроздьями висит. Неподалеку родник бьет. Видит, девчушка у лозы стоит, ягоды на нитку нанизала да на шею свою вместо бус навесила.

– Ты кто такая? – спрашивает ее Афоня.

– Я не тутошняя, – отвечает девчушка. – Я зашедшая. Из далека.

– Ты здесь никого не видала? – спрашивает Афоня.

– Не-ка, не видала, – отвечает девчушка.

Привстал казак. К осени дело идет. Полынь дух свой отдает. Да такой горьковатый, что печалит сердце.

– Ты кушай ягодку, – говорит Афоня, – дюже она вкусна.

Шашка - саморубка Донская казачья сказка

Жили были в станице казак с своей бабою. Жили они ни бедно и ни богато, а так себе, середка на половине. Были у них три сына. Старшего звали Петром, среднего Николаем и меньшего Ванюшкой. Первые два старших были умными, а меньшой был не так чтоб совсем глупым, а «малость с придурью» у своих отца с матерью и станичников считался. Подросли сыновья, и решил их казак поскорее поженить да от себя отделить. Пусть каждый из них своим домком, своим умом-разумом поживает. Каждый пусть себе добра сколько ему хочется наживает. Осенью, как подубрались они со всеми хлебами, чистое зерно в амбары поссыпали, призвали отец с матерью старшего сына Петра и говорят ему:

- Хотим мы тебя, сын наш старший Петр, женить да от себя отделить, чтобы ты своим умом-разумом пожил, что бы ты сам себе добра нажил.

Поклонился Петр отцу и матери в пояс и говорит им: - Спасибо вам, батенька, спасибо вам, маменька, что догадались, а то я сам просить вас об этом же думал. Охота мне и самому на воле пожить, первым на станице богатым посевищиком стать, думаю я у заплошавших казаков пай их в залог да в аренду брать.

В мясоед оженили Петра, отгуляли свадьбу. Отделили от себя его отец с матерью и начал он у заплошавших казаков пай их в залог да в аренду брать, первым на станице богатым посевищиком стал.

Призвали отец с матерью среднего сына Николая и говорят ему: - Хотим мы тебя, сын наш средний Николай, женить да от себя отделить, чтобы ты своим умом-разумом пожил, чтобы ты сам себе добра нажил.

Поклонился Николай отцу и матери в пояс и говорит им: — Спасибо вам, батенька, спасибо вам, маменька, что догадались, а то я сам просить вас об этом же думал. Охота мне и самому на воле пожить, думаю я у сирот да у вдов казачьих полпай ихние в полцены скупать, первым на станице арендатором-перекупщиком стать.

На Красную Горку оженили Николая, отгуляли свадьбу. Отделили от себя его отец с матерью, и начал он у сирот да у вдов казачьих полпай ихние в полцены скупать да втридорога воронежским арендаторам перепродавать, первым на станице богатым арендатором-перекупщиком стал.

Призвали отец с матерью и самого меньшего своего сына Ванюшку и говорят ему:

- Хотим мы тебя, сын наш, что ни на есть меньшой Ванюшка, как и твоих братьев старшего Петра и среднего Николая, женить да от себя отделить, чтобы ты своим умом-разумом пожил, чтобы ты сам себе добра всякого нажил.

- Не хочу я, мои родимые, мой батенька, моя маменька, жениться. Рано мне казаку с молодой женой своим домком, своим умом-разумом жить. Больно мне охота по свету погулять, своего счастья попытать, правду-матушку в глаза всем резать, найти Степана Тимофеевича Разина заветную шашку-саморубку и всех злодеев, неправдой живущих и слабых сирот да вдов казачьих обижающих, по правде наказать. Отпустите меня на волюшку вольную и жениться меня не невольте..

Осерчал отец, усы крутит, снял со стены нагайку и не один раз ею Ванюшку по спине вытянул, поучил. Мать же потихоньку слезы ронит, уголком листового платка чтобы казак ее не заметил, глаза утирает. Отец Ванюшку нагайкой охаживает, а он все знай по-прежнему на своем стоит.

- Отпусти, отец, поеду я по свету гулять, свое счастье искать да заветную шашку-саморубку, что Степан Тимофеевич Разин в Кавказских горах схоронил. Охаживал отец Ванюшку, охаживал, притомился и рукой на него махнул.

- Ничего с дураком, видно, не поделаешь. Дал ему коня и говорит:

- Ну, если не хочешь жениться да с молодой женой своим домком жить, так и быть уж, отпускаю я тебя на все четыре стороны, поезжай, по белу свету погуляй да свое счастье поищи, пошукай.

Обрадовался Ванюшка. Отца с матерью расцеловал, сел на коня и в ковыльные степи поскакал. Как уехал он, так отец о нем и думать забыл, лишь мать нет-нет слезу о нем и уронит.

А Ванюшка наш едет себе ковыльной степью. День едет, два едет, три - никого-то он, ни единой души в степи не встречает. Только на четвертый день едет и видит: высокая-высокая сурчина стоит насыпана, а на той сурчине коршун схватил лапами сурка и дерет, клювом и крыльями по голове его бьет, так что шерсть от него во все стороны летит. Стало жалко Ванюшке сурка, отбил он у коршуна его, от лютой смерти избавил. Поотдохнул сурок малость, на задние лапки поднялся и заговорил человеческим голосом.

- Куда ты свой путь, добрый молодец, держишь, что по белому свету ищешь? Расскажи мне, может быть, и я тебе чем-нибудь помогу.

Говорит ему Ванюшка:

- Еду я, по свету гуляю, свое счастье пытаю, правду-матушку в глаза всем резать хочу. Да еще я заветную Степана Тимофеевича Разина шашку-саморубку найти хочу и всех злодеев, неправдой живущих, слабых сирот да вдов казачьих обижающих, по правде-справедливости наказать думаю.

Выслушал сурок Ванюшку, понравились ему его речи, и говорит он человеческим голосом:

- Наклони ко мне правое ухо, добрый молодец, а я тебе и скажу потихонечку, чтобы никто нас не услышал, никто не узнал, как найти тебе путь-дороженьку к этой самой заветной шашке-саморубке, что Степан Тимофеевич Разин в Кавказских горах схоронил.

Наклонился Ванюшка правым ухом к сурку, выслушал его, каждое слово крепко запомнил, попрощался и тронулся в путь. Долго ли, коротко ли ехал он, никто о том не знает. Но вот видит Ванюшка, что приехал он к Кавказским горам, какие перед ним, что стены из белого камня сложенные, встают, собою ему путь загородили. Слеза с коня Ванюшка, пешой идет, коня за собою в поводу ведет. Подошел к горам и видит: все так, как ему сурок на правое ухо шептал. Возле гор старый дуб стоит, а от того дуба вверх дорожка узенькая-преузенькая, еле-еле приметная вверх в гору идет змеею между скал вьется. Привязал он коня к дубу, а сам в горы пошел. Долго он шел все тою дорожкой, пока не дошел до самой вершины горы и видит в скале вход в пещеру, возле него казаки, все в красное сукно одетые, стоят - и шаровары, и чекмени, и верха у шапок - все, как алый мак, у них на солнце горит. Стоят эти казаки на часах, обнаженные палаши в руках держат. Смело подходит Ванюшка к ним и говорит:

- А ну-ка пропустите меня, казаки, мне в пещеру пройти надобно. Один казак, какой постарше всех других был, у него в бороде уже седина пробегала. спрашивает Ванюшку:

- А зачем тебе надобно в пещеру идти, чего ты там взять хочешь?

Ванюшка не побреет.

- Хочу я там взять заветную шашку-саморубку, какую сам Степан Тимофеевич Разин на каменную стенку повесил. По нашей русской земле с ней прогуляться, всех, кто сирых и бедных обижает, кто вдов и сирот заставляет слезы лить, кто обманом да неправдою живет, того шашкою-саморубкою сурово наказать

Расступились казаки молча и пропустили его в пещеру. Долго шел Ванюшка ходами и переходами темными, пока не дошел до первого зала. Вошел в него, а в нем белый свет стоит, как бы сама луна горит. А это не луна горит, а в закромах высоких, что по стенам стоят, серебро полным-полнехонько до самого верха насыпано, переливается. Поглядел Ванюшка на серебро, подивился и дальше пошел. Долго он шел ходами и переходами темными, пока не дошел до второго зала, вошел в него, а в нем красный свет стоит, как бы само солнце сияет. А это не солнце сияет, а в закромах высоких, что по стенам стоят, золото полным-полнехонько до самого верха насыпано, переливается. Поглядел Ванюшка на золото, в горсть набрал, с руки на руку перекинул, опять все до единого кусочка в закроем кинул, подивился и дальше пошел. Долго он шел ходами и переходами темными, пока не дошел до третьего зала. Вошел в него, а в нем свет, и красный, и синий, и зеленый, и желтый стоит, как бы сама радуга светится. А это не радуга светится, а в закромах высоких, что по стенам стоят, самоцветные камни полным-полнехонько до самого верха насыпаны, переливаются. Поглядел Ванюшка на самоцветные камни, возьмет камень, какой ему больше других приглянется, подержит на ладони, подержит и опять его в закроем положит. Играл он так с самоцветными камнями, играл, пока ему не наскучило, а как наскучило, так он и дальше пошел. Долго он шёл ходами и переходами темными, пока не дошел до четвертого зала. Вошел в него, а в нем в трех углах темнота непроглядная, лишь в четвертом углу свет чуть горит, чуть теплится. Приглядывался Ванюшка, долго приглядывался, потом видит, что на каменной стене висит шашка «Это и есть та самая заветная шашка-саморубка, что Степан Тимофеевич Разин на каменную стенку повесил», - думает он

Подошел к каменной стене, снял шашку, на себя надел и прочь из этого зала пошел. Ходами и переходами темными через все три зала, в каких закрома полные самоцветных камней, золота и серебра стояли, прошел, нигде ни в одном из них ни на минуточку не задержался, нигде ничего не взял и к выходу пещеры вскорости подошел. Подошел к ее выходу и хотел на вольный свет выйти, как казаки, что с обнаженными палашами возле входа стоят, обступили его со всех сторон и не дают ему шагу больше ступить, а казак, какой постарше всех других был и у которого в бороде уже седина пробегала, приказывает Ванюшке все свои карманы вывернуть, все что в них есть показать. Не задумался Ванюшка, сразу же все карманы вывернул, в них у него давно уже последняя копейка перевелась, лишь хлебные крошки из них посыпались. Ванюшка всегда в кармане про запас краюшечку хлеба держал, а сейчас когда из пещеры назад с шашкой-саморубкой шел, то эту последнюю краюшку съел. Остались у него в кармане одни крошечки. Покачал головою старый казак, подивился и спрашивает Ванюшку

- Ты во всех четырех залах, добрый молодец, побывал?

- Во всех четырех, - отвечает ему Ванюшка

- И высокие закрома до самого верха полным-полнехонько серебром, золотом и самоцветными камнями насыпанные видел?

- И высокие закрома до самого верха полным-полнехонько серебром, золотом и самоцветными камнями насыпанные видал, - отвечает ему Ванюшка

И опять его старый казак пытается

- И ничего ты себе из них не взял!

- И ничего себе из них не взял, - Ванюшка ему отвечает, - не затем я в пещеру ходил. Ходил я туда за шашкою-саморубкою, — вот ее-то и взял. Больше мне ничего там не надобно было

Подивился старый казак еще раз и говорит: - Ну, верно, добрый молодец, твое счастье, ничего с тобою не поделаешь, больно ты честлив да справедлив. Бери заветную шашку-саморубку и езжай, куда тебе хочется. Не смею я тебя больше удерживать, только когда с горы ты спускаться будешь дорогой мимо пропасти идти, то загляни в нее и увидишь там всех, кто за шашкою-саморубкою ходили, но вместо нее из высоких закровов, что ты видал, карманы себе набивали.

Попрощался Ванюшка с казаками и легко так под гору пошел. Дошел до пропасти, заглянул в нее и видит: все дно ее от человеческих костей бело. Рубили головы казаки, что сторожами к пещере были приставлены, тем, кто в нее за шашкой-саморубкой ходили и своего слова не держали, вместе с шашкой-саморубкой и серебро, и золото, и самоцветные камни брали. Рубили им головы казаки и бросали их всех в глубокую пропасть, куда сам черный ворон не залетает.

Подивился Ванюшка жадности погибших и пошел себе дальше. Дошел до старого дуба, отвязал коня, сел и поехал прямо в родную станицу, к себе на тихий Дон. Едет, песни себе подтанавливает, попевает, к родной станице подъезжает. Возрадовался он, приободрил коня и на рысях в станицу въехал. Улицей едет, к круглому дому под железной крышей подъезжает. А возле него почти что все станичные сироты и вдовы стоят и его среднего брата Николая клянут. Приостановил Ванюшка коня, сам плетью помахивает, оводов и мух с него сгоняет, а сам спрашивает:

- За что вы, вдовы и сироты, моего среднего брата Николая ругаете? Восплакались все вдовы и сироты

- Да как же нам его, мошенника толстомордого, не ругать: забрал он у нас еще с прошлой осени земельку, обещался за нее поплатиться, а сам нам никому ни единой копейки не дал

Стыдно стало Ванюшке за своего брата. Соскочил он со своего коня, вбежал по порожкам на парадное крыльцо и не так ли в него, в крыльцо, застучал. Вышел сам его средний брат Николай, открыл дверь и говорит:

- Что ты, брат Ванюшка, буянишь, в двери ко мне бьешь, покою не даешь? Пожалуйся атаману, у него и на тебя, глядишь, управа сыщется.

А Ванюшка ему в ответ:

- Ты бы, брат, чем меня зря ругать, лучше поплатился бы сиротам и вдовам за их земельку.

Еще больше озлился брат Николай на Ванюшку:

- Ишь ты, какой мне указчик нашелся, невесть где шатался, а теперь указываешь тоже умник какой сыскался!

Без тебя знаю, когда и кому платить надо. А эти, — он указал на сирот и вдов, — еще с меня годик подождут.

Хотел уже затворить дверь, как Ванюшка к шашке-саморубке разом наклонился и шепнул ей:

- Шашка-саморубка, накажи моего среднего брата Николая за слезы сиротские, за обиды вдови, как сама знаешь.

Шашка-саморубка из ножен выскочила. Сама размахнулась, да как влает брата.

Николая, и покати́лась его голова по порожкам прямо на дорогу. Избавила шашка-саморубка сирот и вдов казачьих от прижимистого арендатора-перекупщика Сел Ванюшка на коня и дальше по станице едет. Выехал на станичную площадь и видит: на углу дом круглый под железной крышей стоит, куда больше, чем у среднего брата Николая. Подъезжает, а возле него много мужиков-лапотников с своими бабами сидят, и все они его старшего брата Петра клянут. Приостановил Ванюшка коня, сам плетью помахивает, оводов и мух с него сгоняет, а сам и спрашивает:

- За что вы, мужики-лапотники и бабы, моего старшего брата Петра ругаете? Еще пуще мужики-лапотники и их бабы разошлись

- Да как же нам его, мошенника толстопузого, не ругать - все лето мы у него работали, хлеб убирали, обещался он нам с поженок поплатиться, а сейчас вот уже осень скоро заходит, а он нам никому еще ни единой копейки не дал!.

Стыдно стало Ванюшке за своего брата. Соскочил он со своего коня, вбежал по порожкам на парадное крыльцо и не так ли в него кулаком застучал. Вышел сам его старшой брат Петр, открыл дверь и говорит:

- Что ты, брат Ванюшка, буянишь, в двери ко мне бьешь, покоя не даешь? Пожалуюсь я атаману, у него и на тебя, глядишь, управа сыщется

А Ванюшка ему в ответ

- Ты бы, брат, чем меня зря ругать, лучше поплатился бы мужикам-лапотникам да бабам за их работу тяжелую

Еще больше озлился брат Петр на Ванюшку

- Ишь ты, какой мне указчик нашелся, невесть где шатался, а теперь указываешь. тоже умник какой сыскался. Без тебя знаю, когда и кому платить надо. А эти, — он указал на мужиков-лапотников и на баб, - еще с меня годик подождут. Хотел уже затворить дверь, как Ванюшка к шашке-саморубке разом наклонился и шепнул ей

- Шашечка-саморубочка, накажи моего старшего брата Петра за слезы бабы, за обиды мужичьи, как сама знаешь

Шашка-саморубка из ножен выскочила, сама размахнулась да как вдарит брата Петра, и покати́лась его голова по порожкам, прямо на дорогу. Избавила шашка-саморубка мужиков-лапотников да баб от жадного хозяина Сел Ванюшка на коня и дальше по станице едет, свернул в переулок, а к нему станичный печник Федор, мужик простой, навстречу идет, а за ним два старика-гласных опивахи, уже малость выпивши, привязались, за руки хватают. двугривенный на водку себе просят

- Ты нас уважь, угости, а если нам на водку, Федор, мужик простой, не дашь, то мы тебе, старики-гласные, морду поколупаем и ребра пересчитаем, а ты и руки отвести не смей и тронуть пальцем нас не подумай, мы гласные-старики, почетные казаки!. Не стерпел тут Ванюшка, разом, не слезая с коня, к шашке-саморубке наклонился и шепнул ей

- Шашечка-саморубочка, накажи обоих стариков-гласных, почетных казаков, как сама знаешь

Шашка-саморубка из ножен выскочила, сама размахнулась и начала обоих стариков-гласных, почетных казаков, по спине и по бокам охаживать. Остряком она их не бьет, не рубит, вина за ними невелика - малая, а плашмя все к ним прилегает. Хватаются старики-гласные, почетные казаки, за бока да за спины, в голос кричат и с волке забыли. а шашка-саморубка их все охаживает. все учит. чтобы из мужика они

понапрасну копейку на водку себе не вымогали. Поучила она их, в ножны вскочила, и поехал Ванюшка дальше

За станицу выехал, на Астраханский шлях свернул и едет. Везде Ванюшка над неправдой и злодеями суд свой справедливый с шашкой-саморубкой творят, и немало злодеев шашка-саморубка порубила. Барина Живоглотова она зарубила за то, что он с мужиков за оброк последние лапти поснимал, купца-аршинника не помиловала, тоже зарубила, аршин у него о пятнадцати вершков был, в ад его отправила - пусть чертям он там докрасна каленые пятки голыми руками считает. Сняла голову шашка-саморубка с богатея, что не пожалел мужика и со двора за долги по последню коровенку-буренку кормилицу его детей сводил. И еще много всяких злодеев она порубила, всякой много неправды искоренила

Слух о Ванюшке в столицу, до самого царя дошел. Испугался царь, а ну-ка к нему самому Ванюшка приедет, в его столицу гостем незванным пожалует, во двор войдет, шашке-саморубке шепнет, и начнет она его верным слугам головы рубить, а потом и до него дойдет, с него голову снимет, не поглядит шашка-саморубка, что он царь. Ведь все люди, все человеки - за каждым грех водится. Нет такого человека у него, царя, чтобы руки вокруг мужика не грел, с него шкуры не снимал

Созвал царь всех своих приближенных к себе на совет. Думали, думали они целый день думали. Поднялся один и говорит: - Нужно Ванюшку уговорить, чтобы он к себе назад на Тихий Дон вместе со своей шашкой-саморубкой ехал

Поднялся другой и говорит: - Нет, пусть он в турецкую землю лучше едет, там свой труд вместе со своей шашкою-саморубкою творит, глядишь, какую сотню-другую турок порубит, нашему государству польза от этого будет. Поднялся третий и говорит: - А лучше всего купить у Ванюшки эту шашку-саморубку, а если он, дурак, ее не продаст нам, то силою у него взять и в каменную крепость за семь дверей железных, за семь замков чугунных на веки вечные запереть, стражу надежную кругом поставить, и никого к ней пусть и близко не допускают

Понравился царю совет последнего, третьего приближенного, и говорит он: - Правильно, так должно и быть, сегодня же я к Ванюшке своих верных слуг пошлю и пусть они ту шашку-саморубку или купят у него, или силою возьмут. Как только шашка-саморубка у них в руках будет, пусть немедля же скачут, лошадей не жалеют, в каменную крепость везут и там за семью железными дверями, за семью чугунными замками на веки вечные запрут, стражу надежную кругом поставят, и никого к ней пусть и близко не допускают

На этом и порешили. В этот же день собрались царские слуги и к Ванюшке поехали. Долго ли, коротко ли они ехали, наконец приехали и видят широкое поле, а посреди него стоит шатер. Возле шатра на стульчике Ванюшка со своей шашкой-саморубкой сидит, а к нему мужички со всех сторон своих злодеев да обидчиков по рукам и ногам связанных волокут. И творит над ними Ванюшка со своей шашкой-саморубкой свой скорый суд и быструю расправу. Так и сверкает шашка саморубка на солнце, так и летят на землю да в стороны злодейские головы, не щадит их и не милует шашка-саморубка. Оробели даже слуги царские, такое дело увидев, ходуном у них руки заходили, но делать нечего, пошли они к шатру. Подошли к Ванюшке и низко ему в ноги кланяются и говорят: - Послал нас к тебе великий царь-государь, хочет он у тебя заветную шашку-саморубку купить, чтобы ему способнее было свой суд и расправу над людьми

творить. Чего хочешь за нее проси - все дадим
Поправил Ванюшка на голове у себя соболевую шапку, бровями черными повел
и говорит слугам царским
- Скажите своему царю, что заветная шашка-саморубка непродажная, и цены она не имеет. А что касается до суда, так мы без его царевой помощи управляемся, скорс всех с мужичками злодеев да обидчиков, во всем царстве, во всем государстве нашем вконец изведем

Чего только не сулили слуги царские Ванюшке, он их и слушать не хочет, белос лицо от них в сторону отворачивает. И горы они ему золота сулили, и кисельные берега и реки молочные, и полуцарства великого в обмен за шашку-саморубку давали - ничего не берет, а их и слушать не хочет. Видят слуги царские, что не уговорить им Ванюшку, не отдаст он им шашку-саморубку, ни за какие блага не променяет, а с пустыми руками, с таким, к великому своему царю-государю ехать им боязно, под сердитую руку попадешь - не помилует. Силой брать шашку-саморубку тоже нельзя скажет ей Ванюшка, одно лишь словечко шепнет, и она их всех напрах порубит, не посмотрит, что они великого царя-государя верные слуги. И порешили они немногс подождать, на широком поле побыть и шашку-саморубку у Ванюшки хитростькс взять. Раскинули они свой шатер возле Ванюшкина с подветренной стороны дождались вечера, развели костер и в большом казанке себе кулеш с салом варят Наварили, наелись и возле костра пузами кверху лежат. Дождались, когда Ванюшка спать в своем шатре лег, бросили в костер они зелья, от какого человек память и ум свой теряет. Горит зелье в костре, черным дымом поднимается, и несет его ветер на Ванюшкин шатер. Помутилась у Ванюшки голова, память и ум напрочь отшибло Повалился он головою своею на подушку в беспамятстве. Этого только и ждали слуги царские, кинулись они, как голодные волки, в Ванюшкин шатер, сорвали с негс шашку-саморубку, спрятали ее поскорее, а самого заковали в крепкие железные цепи Привезли Ванюшку в столицу к царю. Поглядел царь с высокого своего крыльца на Ванюшку, махнул белым платочком - раз махнул, два и в третий раз махнул Схватили тут Ванюшку царские слуги под его руки белые, сорвали с него всю одежду и потащили на городскую площадь, где стояли два столба с перекладиной, какими пожаловал царь доброго молодца. Принял смерть Ванюшка, как казаку подобает: глазом не моргнул, бровью не повел

А шашку-саморубку, как царь приказал, его верные слуги немедля в каменную крепость отвезли, кругом нее стражу надежную поставили и никого ни единой души к ней близко не допускают. Так и лежала заветная Степана Тимофеевича Разина шашка-саморубка за семью дверями железными, за семью замками чугунными.

Казак и Судьбина Казачья сказка

Жил-был Казак. Скучно ему дома сидеть. Томно. Вот решил он белый свет поглядеть да себя показать. Оседлал коня и поехал.

Ехал-ехал. Видит, на перекрестке трех дорог кабак стоит. «Зайду, — думает, — передохну перед дальней дорогой». Сел за стол.

Поел-попил. Видит, к нему старик подсаживается. Посмотрел на него Казак, вроде как где-то видались. И спрашивает:

— Не знакомцы ли мы с тобой? А старик отвечает:

— Я — Судьбина твоя.

Смотрит Казак на Судьбину свою, разглядывает. Седой, старостью скрюченный... На лице шрамов не счесть. Из мутных глаз слезы точатся. Заныло сердце у Казака. Страшно стало.

Судьбина усмехается:

— Вишь, — говорит, — Казачок, что тебя впереди ждет. Мой тебе совет — возвращайся домой, а то плохо тебе будет. Много горя примешь.

Расстались они. Поехал Казак домой. Растревожил душу Судьбина. «Ох, — говорит, — не будет мне покоя дома. Должен я знать, что меня в этой жизни ожидает». Развернул коня и поехал куда глаза глядят, лишь бы от дома подальше.

Много времени с тех пор прошло. Состарился Казак, чувствует, что жизнь в конце подходит. «Заеду, — думает, — в тот кабак, где Судьбину встретил». Через порог переступил, глядь, а тот уже в кабачке сидит, ждет-поджидает.

Выпили они за встречу.

— Ну что, Казачок, — говорит Судьбина, — понюхал, почем фунт лиха?

Казак головой кивает, соглашается.

— Да, — говорит, — твоя правда была, много горя принял.

— Не жалеешь, что меня не послушал?

— Нет, — говорит Казак, — не жалею, что ж о прожитой жизни жалковать. И вздохнул. А Судьбина дальше пытается.

— А если б, — говорит, заново жизнь повернуть, согласился бы? Казак подумал.

— Нет, — говорит, — не согласился бы. Моя жизнь мной прожита.

И выпили они по второй рюмочке.

Дивятся на них люди, думают, что родные братья беседу ведут, до того похожи. Посмотрел Казак на Судьбину внимательно и усмехнулся. Судьбине это не по нраву.

— Ты, — говорит, — что усмехаешься. Если есть что на душе, скажи, не держи.

— Глаза у тебя, — говорит Казак, — светом полны, не то что давеча. Вот я и смекаю, знать, и мне в этой жизни удача была.

Помолчал Судьбина и говорит:

— На этот раз правда твоя, Казак. Жил ты по совести.

И выпили они по третьей рюмочке.

Лебедь Казачья сказка

Любились одни. Так любились. Как встренутся, целуются-милуются и слезы льют. И было от чего. Оба бедные сиротинушки. Ни кола у них, ни двора. Она в работницах у богатых была. Он на вскормлении у дядьев жил, навроде приемыша. Его звали Ларькой, а ее — Катериной.

Вот раз он говорит ей.

— Пойду на заработки, нету мочи мне так жить.

Катерина его упрасивает, мол, не ходи, пропаду я без тебя. Руки-ноги целы — хватит нам достатку. Заупрямился Ларька, набычился.

— Пойду, — говорит, — на Волгу к бурлакам. Толкуют, что они большие деньги загибают. Хочу по-людски пожить, в довольстве.

— Да там люди хуже скота живот свой надрывают.

— Ничего. Выдюжу. Силенка какая-никакая имеется.

Просит Катерина.

— Отступись. Хозяева обещались за меня большую кладку дать. Хватит нам совместную жизнь начать. А дальше — видать будет.

На своем стоит Ларька.

— Вона, — говорит, хозяйский сын к тебе клинья подбивает. Думаешь, я не знаю. Не стерплю я этого, порешу его.

Плачет Катерина.

— Окстись, разве не ты для меня свет в окошке. Или я причинность тебе какую дала. Не уговорила она-таки Ларьку. Сделал он по-своему. Пошел на Волгу в бурлаки заниматься.

Добрался до села, где артели собирались. А там миру! Тьма! Мужики здоровушие, не Ларьке чета. Вербовщики народ приглядывали и в артели гуртовали. Увидали Ларьку, на смех подняли. Где это видано, чтобы казак пришел в бурлаки заниматься? В лесу эдохло. Росту небольшого, по бурлацкому делу, видать, совсем негодящий. Терпит Ларька, своего недовольства не показывает, кулаки тока затомились да затяжелели.

Однако ж все одно — не берет его никто в артель.

Бурлаки, что с хозяевами сладились, магарыч пропивают. Между артелями состязания устроили. Борются да на кулачки выходят. Вот один бурлак, всех в борьбе победил, увидел Ларьку, схватил его под силки да как бросит наземь. У того гул в голове пошел

— Что, — кричит бурлак, — слабоват казачок.

Смеются вокруг: куды ему с бурлаками тягаться.

Поднялся казак с земли, себя превозмог.

— Не плачьте пикульками, — говорит.

Гонористый казачок-то оказался. Ничего не скажешь. Закипело у Ларьки нутро. Чирик вперед выставил.

— Може в борьбе я тебе и уступлю, — говорит. — А вот на кулаках не хотишь ли свою силу спробовать?

— Счас я тебе вздую, — говорит бурлак.

— Не своими ли боками.

— У тебя хвост короток со мной управиться.

— Да ноготок востер обуздать. Заколотырились они, заспорили до одури. Раззадорили они друг дружку.

Смеются вокруг, бойцов подначивают.

— Ой да, казак! Вот уморил!

— Чига егупетская!

— Это тебе не шашкой махать, не с винта стрелять, тут сила нужна, выучка.

— А сила солому ломит.

Пошел бурлак на казака, словно гора на малую мышь двинулась, замахал руками, словно мельница крыльями. Отступил Ларька раз да два, потом как пустил все силы на кулак, точно супротивнику в лоб припечатал. Остановился бурлак, закачался и свалился, как сноп. Аж земля под ногами дрогнула, закачалась.

Плюнул казак.

— Пшено, оно и есть пшено.

Тихо кругом стало. Понурились бурлаки. Не удалось веселье. Начали потихоньку расходиться. Подходит к Ларьке купец.

— Ай, да удалец, — говорит, — с одного раза уложил. Беру тебя к себе. Будешь воров да разбойников ружьишком отбивать, мое добро стеречь.

Дал согласие казак: дело вроде знакомое, пустяшное. Получил задаток и пошел на судно.

Плывет судно по Волге, тащут его бурлаки. А Ларька сидит себе с ружьишком в конторке, хозяйскую казну охраняет. Работа не пыльная, однако ж, что-то маятно ему сидеть. Видит он, как бурлаки хребет гнут, животы надрывают. Тяжкая эта работа — до ломоты в суставах и куриной слепоты в глазах.

Вот один бурлак Ларьке как-то и говорит:

— Мы на тя не сердимся, парень ты неплохой, но зря на хозяйскую руку тянешь. За живое поддел бурлак казака. Плюнул Ларька, бросил ружье, подошел к купцу.

— По мне, — говорит, — лучше лямку тянуть.

Рассердился купец.

— Ты что это, разинская порода, заочевряжился.

— Знай край да не падай, — отвечает Ларька, — казачью честь не обзывай.

Глянул купец на Ларьку: лучше с ним не связываться — себе дороже выйдет.

— Воля твоя, — говорит и ухмыльнулся.

Так попал казак в бурлаки. Тянет лямку Ларька. Кровь к глазам прилила, стукатит з висках. Ноги ли в песке вязнут, или кровянятся об острые камни. Слышит только, как кричит шишка:

— Шире бери, ребята!

Остановились бурлаки на ночлег. А перед тем дождь прошел. Промок Ларька до костей. От холода у него зуб на зуб не попадает. Силится в рогожный куль залезть, а не может. Озноб его пронял. Так и остался лежать на песке.

На рассвете будят Ларьку товарищи, добудиться не могут. Хворь, видно, крепко его взяла, в беспамятстве лежит. Хотели его на судно определить, да хозяин заартачился.

— Може, — говорит, — он тифозный, оставьте где есть.

Поворчали бурлаки, погодите, мол, толстомордые, скоро мы вас всех через колесо протащим, а ничего не поделаешь. Простились с Ларькой, завернули его в рогожку и оставили на берегу.

Ночью Ларька в память пришел, ни рукою, ни ногою шевельнуть не может. Лунная дорожка по воде стелется. А по той дорожке к нему лебедь плывет. На берегу лебедь обернулся в девицу. И начала она за Ларькой ухаживать. Целую ночь над ним колготилась.

Забылся казак, очнулся, солнце уже высоко в зените. Поднялся Ларька, в теле живость почувствовал. Волины волжской испил. Ах, ты, Волга-мать, пека неласковая.

укачала-уработала Ларьку. Возвратиться домой нельзя с пустыми-то руками. О лебеди-девице думать позабыл. В бреду чего не привидится. И побрел Ларька по берегу куда кривая выведет.

Долго ли так казак шел, коротко ли, видит, мужик с лопатой ходит. Остановится, землю копнет. Отойдет. Опять копнет. Припадет. Встанет. Дальше идет. Приляжет на живот, ухом к земле припадет, вроде, как слушает. Станный, словом, мужичок. В себе ли?

Окликнул его Ларька. Вздрогнул мужичок, оторопь его взяла. Смотрит на казака терепугано.

Подошел Ларька поближе и озадачился. Одет мужичок как бы наоборот. Вся одежда наизнанку напялена, картуз козырьком назад, правый лапоть на левой ноге, а левый — на правой.

Спрашивает его Ларька, а самого смех разбирает.

— Ты чо это вырядился, как шут гороховый?

Хмыкнул мужичок, скриворотился, глаза плутоватые отвел, много-де будешь знать, скоро состаришься.

— А все-таки, — допытывается Ларька.

— Ты кто таковой выискался, чтобы меня к допросу призывать.

— Я кто таковой? Ну что ж, скажу, мне таить нечего.

Рассказал Ларька мужичку в двух словах, кто он да чего на этом месте оказался. Расчувствовался мужик.

— Эх, ты, человек, — говорит, — душа твоя нагишом. Мыслимо ли честным трудом денежку скопить. Да такого сроду на белом свете не бывало. Так и быть — подсоблю я тебе. Разбогатеешь, мне еще спасибо скажешь.

— Как так? — удивился Ларька.

— А вот так. Клад найдем, и я тебе долю дам.

Рассмеялся Ларька.

— Так тебе клад и приготовили.

Обиделся мужичонка.

— В каждом деле свой толк имеется. Я столько трудов положил, чтобы след клада разыскать.

Понятно стало Ларьке, отчего мужик одет шутом гороховым.

Не удержался казак, подтрунил над ним.

— Ну, а что — напал на след?

— Напал, — отвечает мужичок. — Тока ты не скалься. Желаеть — будь мне сотоварищем, не желаеть — скатертью дорога.

Понял Ларька, дело серьезный оборот принимает. А вдруг и вправду что-нибудь из этой затеи выйдет, и согласился у мужика в сотоварищах быть. Поучает Ларьку мужик.

— Клад абы кому не дается. Он заговоренный. Его умеючи надо брать.

Вот и наладились они компанией клад искать. Мужик с лопатой впереди зыфигурирует, а Ларька за ним следом идет. Ходили-ходили, кажись, конца-краю этой канители не видать. Харчишки у мужичонки уже подобрались.

Наконец, подходит он к Ларьке и шепчет:

— Нашли.

— Что нашли, — спрашивает казак.

— Как что? Клад!

— Где же он?

— Вон под тем камнем.

— Так давай, — говорит Ларька, — откроем.

Смеется мужичок, довольный.

— Вот дурная голова! Полночи надо ждать. Присели они. Ждут, томятся. Быстрее бы стемнело. Приложил мужичок ухо к земле.

— Послушай, — говорит.

Припал к земле Ларька: грохочет что-то там внизу, лязгает. Мужичонка говорит:

— Это черти бочки с золотом катают.

Среди ночи грохот стих, подошли они к камню, отвалили его, и открылся им вход в подземелье.

Предупреждает мужик казака.

— Что бы ни увидел, что бы ни услышал, ни слова мне не говори.

— Ладно, — отвечает Ларька.

И полезли они в подземелье. Чуть прошли, свет забрезжил. Доходят они до залы, а там денег — кучи насыпаны. Бери — не хочу. А на тех кучах кот Китоврас разлегся, сладко дремет. Вот тебе и сторож!

Начали сотоварищи деньги в мешок собирать. И показалось мужику, что Ларька серебро в мешок кладет, а золото оставляет. Разозлился он и говорит:

— Глаза разуй, дурья башка! Золото в стороне оставляешь, а серебро гребешь.

Что тут началось! Кот проснулся, замыкал, захохотал. Кинулся Ларька назад к выходу. Обрушились потолки... Очнулся казак, темно вокруг. Из завала выбрался, никак руки-ноги целы — и то счастье. Куда ни пойдет — везде серые стены. Знать, суждено ему помирать в этом склепе. Присел, загоревал Ларька, Катерину вспомнил.

Вдруг свет пред ним замерцал. Голову поднял, девица перед ним стоит в белых одеяниях, за собой манит. Пошел за ней Ларька. Куда ж деваться? Скоро девица его к выходу привела. Обрадовался Ларька, на свет Божий вышел. Дышится, не надышится. Рассветет уже скоро. Звезды еле видно. Хотел девицу поблагодарить, а та лебедем обернулась и улетела.

Вспомнил Ларька мужика, заплакал. И решил, хватит судьбу испытывать, надо до тому к Катерине возвратиться.

Дошел Ларька до города. Решил в трактир заглянуть, перекусить чего-нибудь. От голода живот свело. Голод-то, он не свой брат. Подсел к нему ражий детина, спрашивает:

— Ты что невеселый такой?

— Да счастье мной играет, — отвечает казак.

— Пока на воле, смейся, брат, — говорит детина. — Любишь ты ли Матрену Ивановну?

— Какую?

— Нашу тетку, что всех нас веселит, приголубливает и спать с собой укладывает.

— Такой не знаю.

— Так знай.

И детина поставил на стол бутылку вина.

Рассмеялся Ларька, хорош детинушка, нечего сказать.

— А знаешь ли ты, казак, сколько в этой бутылке добра и зла?

— Нет, не знаю.

— Пока я с тобой, учись познавать добро и зло. Выпьешь мало — зло, выпьешь много — зло, выпьешь достаточно — добро.

И это понравилось Ларьке. Выпили они, перекусили и выпили из кабака, хмельные.

Детина спрашивает Ларьку.

— Есть ли у тебя деньги?

— Нету.

— А не призанять ли нам денег у тороватого купца?

— Как это?

— А так, обухом сундуки потрогать.

— Не в совесть это, — отвечает Ларька.

— Совесть подлежит до одного Большого суда, а не человеческого. Посмотри, птицы небесные чем живут? Воровством. Стянула зерно, не попалась, ну и сыта. Отец небесный их питает и греет.

— Так то птицы, а мы люди.

— А ты куда ни кинься, все люди воруют, только нам не велят.

— Да кто ты таков? — спрашивает Ларька.

— Ты видел волю, она по белу свету ходит?

— Нет, не видел. А какая она?

— Со мной схожа, — говорит детина и рассмеялся.

— Так ты, вор, что ли?

— Не вор, не тать, тока на ту же стать.

Подбил-таки детинушка Ларьку к его промыслу пристать.

— Я, — говорит, — тебе милость оказываю, а ты супротивничаешь.

И поклялся казак быть с воров за один.

Купил детина живую курицу на базаре. Последние деньги отдал.

— Да на кой она тебе сдалась? — спрашивает Ларька.

— Дай срок, сам все увидишь, — отвечает детина.

Подошли они к дому купца. Забор около него высоченный. Доска к доске тригнана. Ничего не углядишь что там во дворе делается. Детинушка кинул курицу через забор. В ворота постучал. Открыл ему сторож.

— Чего надоть?

— Мил человек, курица моя через забор перелетела, споймать надо.

Поворчал что-то сторож, но детину за ворота пустил.

Пока курицу ловили, детина все ходы-выходы высмотрел. «Ловок, шельма, — подумал Ларька, — за таким не пропадешь».

Дождались они ночи. Через забор перебрались. Не успел Ларька и шаг шагнуть, как схватил его сторож. Ларька отбиваться начал. Не тут-то было. Руки у сторожа гочно обручи железные. Позвал Ларька детину на помощь. Да тот махнул через забор, голько его и видели. А казака хватили чем-то по голове и сознания лишили.

Очнулся Ларька уже в тигулевке. Тело избито, живого места нет. Подвел детина его под каторгу. Лежит казак, думает: «Ну, детинушка, по гроб живота своего не забуду я твоей милости». Права была Катерина, ох как права: везде хорошо, где нас нет.

Видит казак, девица перед ним в белых одеяниях объявилась, за собой манит. Встал Ларька, дверь открыта, стража спит. Вышел на волю, поклонился девице. А та тебедем обернулась и улетела.

«На кого ж эта девица лицом сходствует, — думает Ларька, — не понять».

Добрался до своей станицы Ларька. А там его большое гореванье поджидает.

— Скрепи сердце, — говорят ему, — утонула твоя Катерина в озере, и тому уж много зрени прошло.

Понял враз Ларька, что это она его из беды выводила. Вошла ему неизвестная боль в сердце. Выпытывает он, что да как получилось.

— Она, как утопла, то сюда по ночам приходила, — говорит один из дядьев. — Вокруг хаты топотила, все стонала-плакала, тебя звала.

— Ну, а ты чо ж? — спрашивает Ларька.

— А я чо, с крыльца из берданы в нее стрелил. С тех пор перестала наведываться.

Вскочил Ларька, хотел на дядьку кинуться. Удержали его.

— Ничо с ней с этого не сделалось, а худое на хату могла б накликать.

— Куда же хуже, — говорит Ларька.

— Навроде ей хозяйский сын докучал, проходу не давал. Не нарошно она это дело произвела. А все одно — грех большой, на себя руки наложить.

Пошел Ларька хозяйского сынка искать. Узнал он, что отправил его отец на дальний хутор, от беды подальше.

Добрался Ларька до хутора. Обыскался — нет нигде хозяйского сынка. Настиг он его в камышах.

— Ты что ж это здесь своим жирным телом комарам служишь. Тот на колени упал.

— Не убивай! — кричит. — Любил я ее не меньше твоего.

— Шабаш! Зараз я тебя расчахну.

— Меня убьешь, а ее не возвернешь.

Удивительны слова его стали для Ларьки.

«Возверну, — думает, — любовь моя возвернет». Плюнул на хозяйского сынка и домой пошел.

Прослышал Ларька от людей, что кружил над озером одинокий лебедь и кричал до того жалобно.

Подумал казак: «Може, то Катерина была». И пошел на озеро.

И тут Ларьке невезение. Ходил-ходил, высматривал. Все гуси-лебеди живут тарами. Одиночествоующих среди них нет.

Дядька говорит ему:

— Живость в человеке должна верх брать, пора тебе к делу притуляться. И отправил Ларьку на сенокос. Работает Ларька на сенокосе от зари до зари, гонит от себя думки. Гока они приходят незваны. Тошно казаку, плохо.

Однажды утром хватился Ларька, узелок с харчами пропал. «Да что это за оказия такая, — думает, — в станицу идти далече, полянку надо докосить, пока погода стоит». Остался Ларька, поработал. На следующее утро проснулся — нет чириков. Ларька туда-сюда, один чирик нашел. Смотрит, трава примята, никак след куда-то зедет. Пошел казак по следу, нашел второй чирик. Дальше прошел — узелок с харчами у дерева лежит. Поднял Ларька узелок. «Видно, зверь какой балует», — подумал он и назад вернулся. Поработал до темноты и лег спать.

Во сне чувствует: давит ему грудь. Глаза открыл, а перед ним девица в белых одеяниях на коленях стоит.

Ларька как крикнет:

— Катерина!

Испугалась девица и в бега. Ларька за ней. Никак не угонится. Добежала Катерина до озера. В воду вошла и к себе Ларьку манит. Боязно казаку стало. А Катерина еще глубже в воду вошла. Обернулась, поманила Ларьку. Ступил казак в воду, дальше не может, страх забирает. Застонала Катерина, заплакала и под водой скрылась.

Вернулся назад Ларька. Какой уж тут сон! Одни муки. И за себя казаку стыдно —

невысока его любовь. Целый день промаялся, обтомился душой. Решил Катерину ждать.

В полночь приходит она к нему. И за собой манит. Встал Ларька молча, чтобы словом ее не спугнуть и пошел за ней. К озеру подошли. Ларька за руку ее взял, и они вместе в воду ступили. Идут-идут. Друг на дружку смотрят. Вода уж до пояса дошла. Вот уже грудь холодит. Не страшно Ларьке. Хорошо ему на душе, спокойно...

..Говорили люди, объявились в дальней станице муж и жена, очень схожие собою на Ларьку и Катерину.

Лихо одноглазое Казачья сказка

Еще при царе это было. Возвращался казак Тишка со службы домой. Все ближе и ближе родимая сторонущка. Ширится радость в груди у казака, наполняется сердце. Конь боевой легко несет. Едет казак, думу думает, что ждет его дома дорогая матушка и невестушка его Лизанька. Ждут не дождутся. Тому уж три года минуло, как казака дома не было. Завздыхал Тишка. Вот и станица завиднелась. Приосанился казак, песню заиграл, думает: «Мои-то давно прослышали, что я возвращаюсь, с хлебом-солью встретят. Букетами коня украсят. Закатим пир на всю округу». Подъехал Тишка к станице — никто его не привечает. Дома покосились, не белены. Скотина ревмя ревет, не поена, не кормлена. Поля не вспаханы, на засеяны. Плач над куренями стелется, ругань по переулкам гуляет, «Ошаламел народ», — удивился Тишка. Никто его не признает, никто с ним не здоровается. Казаки друг дружке в глаза не глядят, а смотрят — так зло. Бабы причитают: «Ох-х, лихо нам, лихо!» Послушаешь их, так и свет не мил. Детишки в игры не играют, горькие слезы льют. «Что-то тут не так», — смекает Тишка.

Подъехал он к своему куреню. На приступках мать сидит, слезами обливается. В голос кричит, тоскует по единственному сыночку, Тише ненаглядному.

— А вот и я, — говорит Тишка, — живой и невредимый!

Мать плакать перестала, посмотрела на сына и не признала.

— Не сын ты мне вовсе, — говорит, — лежат косточки мово сына на чужедальной стороне. — И опять слезами залилась пуще прежнего.

Как ни бился Тишка — не признает его родимая матушка дорогого сына. И все тут. Расстроился Тишка. «Пойду, — думает, — к Лизаньке наведуясь, к суженой своей». А у Лизаньки та же картина.

— Иди, — говорит, — отсель, знать тебя не знаю и знать не хочу. А Тишку твоего ненавижу всей душой, потому как знаю, с кем на службе прохлаждался. Вот и сгибни за грош. А я его так любила...

— Да вот я, живой, здоровый, — говорит Тишка.

— Иди, казачок, отсель подобру, а то неровен час до беды-то.

Лизанька девушка была крупная, в поле за троих казаков управлялась. Тишка опасливо посмотрел на нее. «А ведь правда, долго ли до беды...» — И подался к калитке. А Лизанька ему вслед:

— Наплевать мне на твоего Тишку и растереть. Я за Ваську Косого замуж собралася.

— И в рев: — Ох, лихо мне, лихо!

Тишка ей из-за плетня:

— Тоже мне казака нашла! Тьфу, срамота!

А у самого душа заныла. «И что ж такое делается на белом свете? Ну погоди, бабья порода! Я тебя плеточкой, ишо мозги прочищу».

Идет Тишка улицей. Смотрит: лужа большая, в луже старуха сидит, на один глаз кривая. Горбатая. Лохмотья к худому телу прилипли, в чем только душа держится. Рядом с ней мешок плавает. «Что-то тут не так, — смекает Тишка, — надо ухо остро держать». Завидела его старуха, запричитала:

— Помоги, касатик, помоги, Тиша дорогой. Шла-шла да упала, а встать не могу и никому до меня нет дела.

Обрадовался казак, что хоть один человек его в станице признал. Забыл про то, что сторожко обещался себя держать. Зашел в лужу, подхватил старуху на руки, а та кричит:

— Мешок, мешок не забудь!

Прихватил Тишка мешок, и будто радостью его обдало. И такая радость, что хоть в луже в пляс пускайся. «Что такое, — думает Тишка, — не пойму, что со мной творится». — И говорит старухе:

— Чтой-то я тебя, бабуся, здесь раньше не видывал.

И хочет ее на землю, где посуше, поставить. А та не дается — прилипла, не отлепишь.

— А-а-а! — кричит. — Казачок! Давненько я тебя здесь поджидаю. Сколько денечко прошло, со счета сбилась. — И на шею ему — раз!

— Вот лихо-то, — прошептал Тишка и вздохнул.

— Ага, оно самое и есть. Говорили мне люди, что хитрей тебя казака во всей округе не найдешь, только я похитрей тебя оказалась.

— Выходит, так, — отвечает Тишка со вздохом. — Это ты народ взбулгачила?

— Я, — отвечает Лихо, — кому ж еще. Вон полон мешок радости набрала. Твоей только не хватает.

— Ох и молодец, — нахваливает ее Тишка, а сам думает, как быть, что делать. — Как же ты, — говорит, — в такой маленький мешок так много радости набрала?

— Это я, — говорит Лихо, — вашу радость уминаю.

— Нехорошо, — говорит Тишка, — по человеческой радости топтаться.

— Ничего, — отвечает Лихо, — зато мне от этого веселей становится.

Так они друг с дружкой переговариваются. А Тишка тем временем от станицы далече ушел. Думает: «Счас до яра дойду и вниз головой брошусь. Сам погибну, так и Лихо распроклятому конец придет».

Только он это подумал, как Лихо ему говорит:

— Хватит, казачок, меня на своем горбу таскать, пора о деле подумать.

Остановился Тишка. Слезла с него Лихо и предупреждает. — Не вздумай от меня бежать и в мыслях не держи, а то хуже будет. «Куда ж хуже-то», — думает Тишка и говорит

— Ну что ты, я теперь твой слуга на вечные времена

— Известное дело, — соглашается Лихо. — Пока у тебя всю радость не заберу, не отстану.

— Да бери, — говорит Тишка. — Что ее у меня, мало, что ли? Бери, и дело с концом

— А зачем мне ее брать? Сам отдашь

— Это как?

— А вот так. Сейчас, дай дух перевести. Села рядышком, да как закричит, да как запричитает во весь голос

— Так мне тебя жалко, казачок, спасу нет. У Тишки от удивленья глаза на лоб полезли.

— Если жалко, отпусти на все четыре стороны. Зачем серпие вцепи?

— Вот поговорим о жизни нашей и отпущу, не резон мне тебя держать.

— Про жизнь так про жизнь

— Смотрю я на тебя, казачок, голова твоя поседела, тело твое изранетое. Воевал, себя не жалел. А много ль от царя-батюшки наград получил?

— Да ничего, — говорит Тишка, — не получил. Так не за царя кровинушку свою капле отдавал, а за Родину свою, за землю, на которой живу.

— И то так, — отвечает Лихо. Видит, здесь казака не проймешь, с другого бока подступает. Голос еще жалчей сделала

— Был бедняк, бедняком и остался. Дома коровешку оставлял, и та без тебя сдохла.

— Ничего, — говорит Тишка, — были б руки-ноги целы — не пропадем.

А Лихо свою линию гнет, не успокаивается

— Суженая твоя к другому подалась

— Твоя правда, — сказал Тишка. И завздохал, закручинился, да так, что свет не мил показался.

Лихо довольная. Руки потирает. Довела-таки казака. Смотрит Тишка, а мешок-то с радостью вроде как поболее прежнего стал. Смекает, в чем дело. «Ну ничего, старая, я еще над тобой позабавлюсь». И залился слезами, уже понарошку. А Лихо развеселилась. В пляс пошла. Откуда прыть взялась

— Говори, — кричит, — говори, на душе легче будет

— Ох, — говорит Тишка, — уморила ты меня. Не житье мне на белом свете. Пойду руки на себя наложу. Просьба у меня напоследки жизни. Дай передохнуть.

А Лихо довольная такая. Что ж, мол, передохни. А потом еще погорюешь

— Сильная ты, Лихо, никогда бы не подумал. Ловко умеешь человеческую радости собирать.

Лихо в ответ: «Я, — говорит, — такая. К человеку подход имею. Так человека разжалоблю, так его растревожу. Всю радость до капельки отдаст, а без радости и совесть легко потерять. Водички попрошу напиться. Кто ж не даст. Глядишь, разговор завязался. Как живешь, спрашиваю. Хорошо, говорит, живу. Кто ж тебе сразу скажет, что плохо живет? Ничем, спрашиваю, не обижен в этой жизни? Кто же говорит, не обижен. И начинает... А я подначиваю. И пошло-поехало. Человек и слезы. А у меня мешок наготове»

— Ох, и хитра ты, Лихо, где мне тебя перехитрить. Давай, — говорит, — в прятки поиграем. Я страсть до чего любил в детстве в прятки играть. Никто сыскать меня не мог.

— Ну что ж, — говорит Лихо, — давай поиграем, только от меня прятаться — бесполезное дело. Я тебя везде сыщу.

И стали они в прятки играть. Тишка в копешку с сеном залез. Лихо нашла.

На дерево взобрался. За ветвями укрылся. И там нашла

— И правда, — говорит Тишка, — бесполезное дело от тебя прятаться. Ну-ка теперя ты попробуй схоронись.

Повернуться не успел, глядь, нет Лиха. Куда подевалась, может, не было ее вовсе. В страшном сне привиделась. Тишка туда, Тишка сюда. Глядь, мешок с человеческой радостью лежит на месте. «Не сон, знать, мне привиделся, — думает — и не умом я тронулся». Мешок бы развязать, да и дело с концом. Потом думает: «Негоже так, надо сначала с Лихом разделаться».

Стал Тишка приглядываться да присматриваться. Видит: на дереве сучок выбит, маленькое такое дуплишко образовалось. А из дуплишка носик остренький торчит. грязью перепачканный. «Э-э-э. — думает казак. — смекай. Тишка. не

просчитайся. Как же это она туда забралась?» И говорит: — Выходи, Лихо, покажись, не могу тебя сыскать. Где мне с тобой тягаться.

А Лихо тут как тут, до чегошеньки довольная, от казачьей похвалы голова кругом пошла. Тишка виду не кажет. Удивляется

— Где ж ты так схоронилась?

— А туточки, рядышком была. Ты мимо меня сто разов прошел... В дупле я была, вот где!

— В такое маленькое дуплишко забралась, ай да Лихо, ай да молодец

— Это что, — говорит Лихо, — я вот в такую щелочку пролезу, клубочком свернусь никто меня не приметит

— Это что, — говорит Тишка, — это еще не удивление, а вот в кисет сможешь забраться? Смотри, какой маленький! — И сам кисет вытащил, развязал. — Нет, —

говорит, — в кисет не сможешь. — И вздохнул. — В ноздрях у тебя еще не кругло

— Это у меня не кругло? — расходилась Лихо, — Да я в один момент... Хоп! — и готово.

Казак кисет чуть не выронил, до того он тяжелый стал. Быстренько завязал его тройным узлом

— Понюхай, — говорит, — Лихо, табаку.

И рукавом пот со лба смахнул. Умаялся. Большое дело сделал. А Лихо из кисета кричит:

— Залезла, казачок, а ты не верил. Тишку смех разбирает

— Молодец, — говорит, — ты, Лихо, твоя взяла! Только из кисета тебе теперь ходу нет.

Запричитала Лихо, стала просить казака, чтобы выпустил он ее. Потом грозить начала.

— Нет, — говорит Тишка, — ты меня этим не проймешь. Кисет жалко, Лизин подарок. Ну так ничего, в дело пошел.

Подкинул Тишка кисел на ладони. Тяжеленький. И запустил его подальше в репы да калюку. Развязал он мешок с человеческой радостью... В станице кочеты запели. Все разом, в один голос. На душе радостно. Слов нет. Кто-то песню заиграл Веселую. «Никак, моя Лизанька старается, — подумал Тишка, — эх, пора и мне домой возвращаться». Не успел он шага шагнуть, а народ ему навстречу валом валит Тишу-дорогушу встречать-привечать. Впереди мать идет. Чуть поодаль Лизанька Плачут. Уже от радости. «Дождались мы тебя, Тишу-казака. Без тебя пропадай наши головушки». Тишка усы подкрутил, подбоченился, то-то, мол. И пошел навстречу. Но на этом дело не кончилось.

Ехал барин по дороге. В карете дорогой. Весь в золоте убратый. Смотрит впереди по дороге что-то катится. Кучеру в бок толк — мол, придержи коней. Из кареты вылез, не поленился. Видит: кисет на дороге лежит. Схватил его. Тяжелый Золото, думает. Пока развязал, ногти холеные пообломал. Выскочила из кисета Лихо. И уселась барину на шею. И ласково так говорит: — Вот спасибо, друг ты мой милый, выручил! Теперь в услужении у меня будешь, пока я твое добро до нитки не спущу.

И кучеру рукой махнула, мол, поехали.

Поехали так поехали. А нашей сказке тут остановка.

Казак и лиса Донская казачья сказка

Бежит по дороге лиса. От кургана к кургану, из куста в кусточек. Хвост к земле нюхает поживу. Побежит, побежит - сядет, оглянется по сторонам - и снова вперед Добежала до станицы. Видит: возле куреня казак сидит, сапоги тачает. Увидала ег лиса - шасть под кочку. Притаилась, а глаза во дворе. За плетнем куры в золе гнезятся, утки в ушате плещутся, индейки у колодца кулдыкают

Облизнулась лиса, язык за щеку - и захромала. Подлезла к казаку и жалобно запричитала:

- Бог помощь, добрый человек

- Куда путь держишь? - спрашивает казак

- Иду издалека. Да со шляха, вишь, сбилась. Обходить силы нет, отвори воротца пройду напрямик к околице

Поверил казак лисе, отложил ворота

- Проходи, да поаккуратнее, птицу не всполоши

- До птицы ли мне? Еле ноги волоку. - сказала лиса и поплелась, вот-вот упадет

А казак опять за свое дело - что время терять? Кольнул шилом раз, другой слышит, переполох птичий. «Что такое? - думает. - Кто потревожил птицу?»

Подскочил к воротам, видит: через гумно наметом лиса бежит с петухом в зубах.

- Ах ты, каналья, обманщица окаянная! А лиса казаку:

- Моя хитрость меня кормит, поит, к доверчивым людям водит. Спасибо тебе казачок, за петушка. Забегу еще - готовь курочку

Расхвасталась лиса, обо всем забыла

- Я те вязы скручу! - крикнул казак. И собаку на нее. - От моей собаки ни один зверь не уходил, а ты и подавно

Заметила лиса собаку, метнулась в сторону, да поздно. Круть-верть - не уйти цепко держит за кабаржину собака. Тут и хитростям лисы конец, а мне - бражки корец.

Огненный змей Казачья сказка

Проводила Аксинья своего мужа Петра на войну. Месяц прошел, другой. Нет от него весточки. Тревожно ей, не спится. Черные думы одолевают. Сидит Аксинья как-то ночью у окна. Луна такая большая, полная, льет в окрест серебром. И решила казачка по луне погадать, про мужа разузнать. Сидит и ждет, что же ей покажется.

Вдруг видит по лунному свету ручеек окровавленный заструился, да прямо ей в окошко и по полу лужицей растекся.

Застонала Аксинья: дурная примета. В сердце незнаемое горе проникло. Горько ей стало. Хуже смерти! Такое горевание на нее навалилось. Расплакалась - разрыдалась казачка.

Как-то раз на сенокосе Аксинья шурудит граблями траву, а сама думает: «Вот бы Петр вернулся, и красное солнышко для меня снова б засветило». Только подумала, подняла голову, видит, Петр на коне с горки едет. Рукой ей машет. Одетый чисто, во все форменное. У коня грива длиннющая-длиннущая по земле стелется. Бросила Аксинья грабли и к нему навстречу побежала. Петр с коня прыгнул. Припали они друг к дружке, слов от счастья не находят. Конь около их топчется, ржет. Аксинья возьми да спроси

— Что это у коня грива такая длиннющая?

Петр отвечает

— А на войне в всех так. Нашла о чем спросить.

Засмеялась

Аксинья

— И вправду, что это я. Слава Богу, что вернулся жив и здоров.

Хватились — нету никого вокруг: ни Петра, ни коня. Стоит она в лесу и деревцо обнимает. Знать, привиделось ей все.

Не до работы Аксинье стало, пошла она домой. Калитку открыла. Видит через окно, в хате Петр сидит, чай пьет. «Как он туда попал, — подумала Аксинья, — дверь-то на запоре». Отперла дверь, в хату вбежала: нету никого. И посуда вся на месте, нетронутая. Туда-сюда заглянула: нету, никогошеньки нету. Опустилась казачка на пол без сил, заплакала.

Вечером корова с пастбища пришла, мычит, хозяйку требует. Хочешь, не хочешь а вставай. Буренку доить надо.

Зашла Аксинья в хлев, только было наладилась корову доить, за титьки ухватились, слышит, сверху по сеннику ходит кто-то. Она ведро на гвоздок повесила, взяла фонарь и по лесенке вверх полезла. Видит, из сена сапоги торчат, верно человек лежит.

— Петр, это ты? — спрашивает Аксинья. Молчание в ответ — Откликнись, Христос с тобой!

Сено зашуршало, сапоги исчезли, и дверь в хлеве ветром отворило.

Ну, ладно. Голова у Аксиньи горит, кругом идет, как в бреду, а страха в душе не чувствует. Подоила она корову, молоко процедила, поужинала и спать легла.

В полночь слышит Аксинья, в сенях зашаркал кто-то. Дверь отворилась: нету никого. Вдруг одеяло с Аксиньи слетело на пол, и кровать сдвинулась. Встала казачка, лампу засветила. Петр перед ней стоит

— Ты живой? — спрашивает Аксинья — Видишь, живой остался, — отвечает Петр. — Иди коня устрой, а я пока разберусь.

Вышла она во двор, коня расседлала, в стойло поставила.

В хату вернулась, а Петр уже в постели лежит, к себе манит. Легла с ним Аксинья и как бы сама не своя: вроде бы и ее Петр, а вроде бы и нет.

А он к ней ласкается. Услаждает речью лебединою. В горячих объятиях заигрывает. От его поцелуев горит Аксинья румяной зарей. От его приветов цветет красным солнышком. Такого молодца и не любя полюбишь.

Лежат они в постели. Она ему руки в кудри буйные запустила, пальцами по голове водит

— Ой, Петр, — говорит, — у тебя голова-то вся в шишках, волнистая такая

— Меня, — отвечает Петр, — как на войну взяли, так тока раз в бане и вымылся

Опаршивели мы там все

— Так давай я тебе баню истоплю

— В другой раз, — говорит он, — сейчас не досуг.

Удивительно это Аксинье, но она ни слова, ни полслова не сказала.

На рассвете прощается с ней Петр и говорит

— Ты никому обо мне не говори. Я крадучись к тебе буду ходить.

К вечеру ближе одолевают сомненья Аксинью: ее ли это Петр? Перед тем, как спать ложиться, взяла она золы и рассыпала по полу.

В полночь пришел опять Петр. Ласкается опять к Аксинье. Любится. Расстаяли у нее сомнения, как прошлогодний снег. На рассвете ушел Петр. Утром смотрит Аксинья, нет следов на золе. Неужель нечистый дух к ней ходит. Закручинилась казачка, что делать — не знает. Весь день по двору прометалась, работа из рук валится.

А ночью Петр появился. К ней подступает. Она от него. Он опять к ней. Она от него.

— Ты что меня боишься? — спрашивает Петр
Нет

— Тогда собирайся, я за тобой. Нечего тебе здесь одной мучиться
— Сейчас, — говорит Аксинья, — я только вещи соберу.

А сама думает: «Вот она, моя погибель пришла». Собирается она в дорогу, а Петр ее торопит.

— Долго я тебя ждать буду?
— Счас, — говорит Аксинья, — бусы никак не найду.

Нашла она бусы и незаметно нитку порвала, рассыпала бисер по полу. Начала Аксинья бусинки собирать

— Э-э, да это долгая песня, — говорит Петр
— Не могу бусы бросить, ить матерна память.

Собрала она весь бисер, только одной бусинки не хватает.

Кочеты тут закричали, топнул ногой Петр, рассыпался искрами и исчез.

Чуть заря зарумянилась, побежала Аксинья к бабушке-знахарке. Рассказала ей все как есть.

Вот знахарка ей и говорит
— Да это не муж твой вовсе, а огненный змей к тебе летает.

Расплакалась Аксинья, грех-то какой! Что делать? Посоветовать знахарку просит
— Ты, — говорит старушка, — крестов на двери, на окна наставь, а сама сиди молитву читай. Звать тебя будет змей, не откликайся.

Пошла Аксинья домой. Мелом наставила крестов на окнах да дверях и печнук заслонку не забыла, крестом пометила. Как только свечерело, стала Аксинья на колени и начала молитву творить.

В полночь прилетел огненный змей, рассыпался искрами. Ходит вокруг дома топотит, зайти просится, ласковые речи говорит, упрасивает. Не слушает его Аксинья, поклоны бьет.

Разозлился огненный змей, стал хату валить. Зашатались стены, затрещал потолок, вот-вот обрушится. Аксинья даже и не шелохнулась
— Ладно, что догадалась, — говорит огненный змей, — а то не быть бы тебе живой. И улетел. И больше не объявлялся.

Аксинья после этого вроде на поправку пошла. Однако ж нет-нет да и вспомнил Петра и зальется горячими слезами. Пусто на душе ей без мужа, нету жизни.

Оседлала она лошадь и пустилась в путь-дорогу. «Где бы ты ни был, — думает — все равно я тебя найду».

И вправду нашла. Видит Аксинья, над одним местом воронье кружит. А рядом боевой конь ходит, воронье отгоняет. Подошла поближе. Петр бездыханный лежит. Весь изранетый.

Села около него казачка и в голос закричала
— Друг ты мой милый, любимый! Болечка кровный, привалил ты мое сердечушко гробовым камнем тяжелым. Засохну я без тебя, желанный мой, как былинке одинокая! Запекутся, поприсохнут губы мои, не целуючи тебя, ненаглядный мой! И змеей тоска сосет сердечушко мое! Так бы и лег в сыру землю, так бы и расшибся с камень в степи немой! Горькая я кукушка в зеленом садочке...

Вдруг чувствует Аксинья — кто-то тронул ее за плечо. Обернулась она и видит сквозь слезы стоит перел ней побирившка. Старая-пнестарая. Уполина горбатая

— Разве такому горю криком поможешь, — говорит побирушка
— Я бы, — говорит Аксинья, — все отдала, лишь бы мой сокол сизокрылый жив был и здоров.

Заинтересовалась побирушка и пытается Аксинью
— Отдала б, не задумалась? А молодостью да красотой своей поступишься?
— Отчего не поступиться, — говорит казачка, — ради милого друга. Мне все равно без него жизнь не в жизнь

— Тогда я тебе помогу, — говорит побирушка
— А как же я тебе молодость и красоту отдам?
— Это моя забота, сама возьму. Так они и сладились. Полезла побирушка в суму, вытащила два пузыря
— Вот тебе вода мертвая, а это, — говорит, — вода живая.

Как взяла Аксинья пузырьки, видит — руки морщинами покрылись, затряслись. А побирушка на глазах стала меняться. Смотрит на нее казачка и думает: «Неужели я такая статная да красивая была? Никогда о себе так высоко не думала».

Побирушка спрашивает
— Ну как, ни о чем не жалеешь?
— Да о чем жалеть, — отвечает Аксинья, — дело сделано.

Залезла побирушка на лошадь и поехала прочь.

А Аксинья обмыла раны Петру мертвой водой. Заросли раны, будто их не было. Окропила его живой водой. Вздохнул казак. Глаза открыл. Видит, сидит перед ним старуха, страшная уродина. Сдержал себя Петр
— Спасибо, мать, что разбудила.

С земли вскочил. Говорит
— Легко-то как! И засмеялся
— Домой пора. Жена меня заждалась.

Свистнул своего боевого коня. Вскочил на него одним махом. Видит, у старухи слезы льются
— Ты что, мать, закручинилась, слезы льешь? Може, чем подсобить?

А та в ответ
— Мне от этой жизни ничего не надо. Всем я довольна. А слезы от старости сами льются.

— Ну, тогда, — говорит Петр, — прощевай. Не поминай лихом
— Прощевай, — говорит Аксинья. И рукой ему махнула, поезжай, мол, с Богом, не до тебя тут.

И поехал казак в одну сторону, а старуха пошла в другую.

Ермак и уж Донская казачья сказка

Шел походом Ермак на Кучума. Сибирское царство он с казаками для России хотел покорить. Пришли на реку Иртыш, начали казаки деревья рубить, баркасы делать, чтобы на этих баркасах вниз по реке спуститься до самой Кучумовой столицы, дойти и приступом ее взять. Две недели казаки деревья валили да две недели баркасы делали. Когда все баркасы были готовы, погрузились на них все казаки вместе с всеми своими конями и чугунными пушками. На передний, самый большой баркас сам Ермак Тимофеевич Чигин с полковым знаменем сел. Хотели было казаки в путь уже трогаться, шестами от берега отпихнуться, как вздумалось Ермаку Тимофеевичу перед походом свой баркас осмотреть. Знал он, что предстоит ему с казаками путь лальный и нелегкий в чужью сторону татарскую. Сибирью называемую. Обошел он

весь баркас от носа и до кормы - и видит, что из-под кормы какая-то веревка черная длинная торчит. Потянул он ее за конец и видит, что это вовсе не веревка, а гад ползучий ужом прозываемый. Поднял его Ермак, размахнулся и хотел в воду бросить. Но тут уж заговорил человеческим голосом - Погоди, казак донской, Ермак Тимофеевич Чигин, меня в воду бросать. Дай мне время и срок - я тебе слово одно нужное скажу. Приостановился Ермак и говорит ужу - Ну, говори свое нужное слово. А уж опять ему человеческим голосом - Царь сибирский Кучум всех мышей подговорил, богатыми посулами подкупил, хочет он тебя со всеми казаками твоими погубить, чтобы ты до его Кучумовой столицы не дошел, приступом ее не взял и царства его Сибирского России не покорил.

Удивился Ермак - Да что же они могут мне, мыши, сделать? Я один их не одну тысячу без всякого оружия одолею, ногами подавлю. А уж не унимается. - Подолеть-то ты их в открытом бою, не только что не одну, а сотни тысяч одолеешь. порешили они тебя с Кучумом своею хитростью извести. Погляди под кормою откуда ты меня вытащил, там дыра прогрызена. Ее мыши прогрызли, а я своею головою заткнул, чтобы в нее вода не шла. Поди на каждый баркас, погляди - и на каждом под кормою дыра прогрызена, а в каждой дыре уж, мой родной брат, сидит своим телом дыру затыкает.

Дается диву Ермак Тимофеевич, и больше еще он удивляется, когда пошел с баркаса на баркас, а там на каждом баркасе под кормою он дыру прогрызенную мышами нашел, а в каждой дыре по ужу сидит, своею головою и всем телом ее закрывает, старается, воду в баркас не пускает. Подумал Ермак, подумал и смекает, а ведь и вправду, если бы не уж со всеми своими родными братьями, то пропал бы он в пути вместе со всеми своими казаками, прежде времени в реке Иртыше утонули и Сибирского царства Ку-чумова России не покорили. Велит Ермак Тимофеевич казакам в баркасах дыры заделывать, все щели паклею забить и проконопатить, а ужа, что на его баркасе своим телом дыру заткнул, - к себе зовет и говорит ему - Хоть ты и ползучий гад, хоть и род твой издавна с людьми во вражде живет - я тебя и всех твоих детей от других гадов за великую передо мною и всеми казаками услугу на весь век отличу, не будут люди ни тебя самого, ни братьев, ни детей твоих никогда понапрасну обижать.

С этими словами Ермак взял и коснулся ужа двумя пальцами чуть пониже головы. Там, где коснулся Ермак ужа пальцами, там у него стали два желтых пятна. С тех пор не стали люди обижать ужей, отличая их от всех других гадов ползучих по двум желтым пятнам, что пониже головы лежат. Так Ермак Тимофеевич отличил ужа и его братьев и отблагодарил их за ту помощь, какую они оказали ему во время похода его на столицу Сибирского царства.

Поединок Петра - царя с казаком Донская казачья сказка

Славен Тихий Дон делами, вольными казаками, казаками-удальцами. Как это было, братцы, на святой Руси. На святой-то Руси, в кременной Москве, славном городе при Петре-царе. Держал Петр-царь три полка в славном городе. Первый-то полк - стоял полк Преображенский, второй-то полк стоял Измайловский, ну а третий полк-то стоял греналенский. Как в пою свою царь в тех полках погуливал. да не олин

гулял, а с генералами. И вздумалось царю потеху учинить, потеху царскую
«Ой, да, уж и нет ли у вас на царя охотничка? На Петра Алексеевича нет ли
поединщика? Уж того ль поединщик-ка-охотничка, если станет он победителем
наградит царь-надежа по-царскому!»

Но стоят войска, усмеваются, с ноги на ногу переминаются. Ни в одном из этих
полков не нашлось охотничка. Ой, да выехал тут и охотничек, из полка из казачьего
выехал. И сошлись царь с казаком рука за руку. Генералы кругом стоят, усмеваются
А казак-то взял царя Петра Алексеевича за белые груди да и вдарил об сыру землю
Ой, и тут царь-надежа побледнел с лица. Он лежит, царь-Петр, на сырой земле, а сам
речь говорит как по-писаному: «Ну и чем же тебя, чем, казак, пожаловать? Большим
чигуном али золотой казной?»

Отвечает казак, удалой молодец: «Ой, мундиров-чинов мне не надобно! И не надс
мне золотой казны. Ты пожалуй меня волей вольною, отпусти на четыре па стороны
Чтобы мне, казаку, не в строю стоять, а во темных лесах гулять, во диких степях
раздольничать!»

Усмехнулся царь, и сказал ему: «Я сдержу свое слово царское, награжу тебя, как
обещано: будешь ты висеть на шелковом шнурке, будешь вольно качаться на семи
ветрах, на четыре на стороны посматривать».